— Да не волнуйтесь вы! В театральный институт поступать идем!

Рисунок В. ШКАРБАНА

КРОКОДИЛ

№ 24 ● АВГУСТ 1973

Приглашение к путешествию

Если протянуть руку и наугад извлечь из присмиревшего человечества несколько индивидуумов, то кто бы ни оказался перед нами — физики или лирики, столяры или ветеринары, синоптики или лекторы-международники,— любой из них о двух вещах дерзнет судить убежденно и словоохотливо: о медицине и искусстве. Подмечено, что в этих областях специалистом считает себя каждый. И еще в одной: в проблеме общественного транспорта.

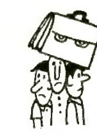
Остановите гражданина на улице. Остановите его на Камчатке, в Прибалтике, в столице, в деревне Щеколдино и полюбопытствуйте:

— Ваше мнение об общественном транспорте, товарищ. Или, может быть, вы не подготовлены к разговору на эту тему?

И будет вам ответом оскорбленное:

— Я-то? Мне двадцать восемь лет, из них двадцать шесть я сталкиваюсь с этой проблемой вплотную.

Но не будем растекаться по проблеме в целом. Оставим в стороне все летающее, плавающее, рельсовое. Флагман общественного транспорта — автобус. Возьмите карту сколь угодно крупного масштаба и вы не отыщете на ней безавтобусной точки. Так войдем же как положено в заднюю дверь и не поспешим вылететь через переднюю, а поездим, посмотрим и в минуты, когда между наших ребер не будет чужих локтей, поразмыслим о разном.

Уточнение первое

Так войдем же...— проблема начинается с этого. Вы обратили внимание, что автобусы новейших марок не помечены риторическими табличками:

50 ПАССАЖИРОВ, НЕ БОЛЕЕ

В этом сказывается реалистичность мышления заводских людей, которые уяснили себе, что не табличкой определяется количество пассажиров, а их упитанностью, временем суток, маршрутом и другими случайными, казалось бы, причинами. Если через двадцать минут — максимум! — вам необходимо отбить на часах свой табель, то разве вы не умудритесь втиснуться даже между сиамскими близнецами? Вы делаетесь плоским и проникаете, кляня ЕГО ужасными словами.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Флагман на колесах

Другое дело, когда шестнадцать часов, пятница и городское пыльное солнце гонят вас из Рязани в заповедное местечко Спасск, где воздух юн, где рыба в озерах и шелестят деревья. Тут уж вы не превратитесь ни во что плоское, а будете смиренно грустить в очереди за билетами и час, и два, и три — благо, табельных часов на спасских озерах нету. Растранжирив таким образом жирный кус своего выходного времени, вы гневно упрекаете ЕГО, но — внимание! — вы уже едете, первозданная природа несется навстречу вам, и вы отпускаете ЕМУ грехи его с миром.

Уточнение второе

Но проблема «Так войдем же...» вышеизложенным не исчерпывается. Когда перед вами автобус, попасть в него— дело чистой техники. Можно стать плоским, можно стать узким, можно проявить в конце концов чудеса акробатики и проехать пару кварталов, держась зубами за хлястик впереди стоящего пальто. Тут все зависит от вас. Хуже, когда надо попасть в автобус, а перед вами лишь расписание, которое сулит, а автобуса нету. И приходится вам, в полночь сменившись, пешком шкандыбать с окраины в центр Новосибирска маршрутом № 24 или 107, например. К рассвету достигаете дома, но дверь заперта, и жена режет изнутри металлическим голосом:

— Иди туда, откуда пришел.

— Чего же я сейчас туда пойду? — отвечаете.— Отдохнуть малость надо, со смены ведь.

— Смена в двенадцать кончается. А посмотри, сейчас сколько?

Теперь ОН уже не просто ОН, а коварный разрушитель семейного очага. Такое не прощается.

И все-таки топать в пределах одного населенного пункта, пусть даже он разлапист, как Новосибирск, не столь накладно. Поднатужившись, можно классифицировать это как разминку. Но какое придумать определение, если кассир на ашхабадской автостанции говорит, кушая дыню:

— Стойте, если хотите, мне даже удобно — солнце загораживаете, но только автобус на Арчман не пойдет сегодня.

До Арчмана сто километров, и вы лепечете:

— Почему же?

— Потому же,— исчерпывающе отвечает кассир и, высунув в окошко руку с дынным полумесяцем, подвигает вас чуть влево, чтобы лучше легла тень.

С грохотом рушатся ваши стройные планы, и вы вздымаете к небу кулаки — туда, где раньше господь бог восседал, а теперь устроился ОН и творит, как творец, что ему заблагорассудится. Мести жаждете вы и ниспровержения идола.

Уточнение третье

И все-таки проблема «Так войдем же в автобус, товарищи» пока еще трепещет, недоразрешенная. Наличие расписания без наличия автобуса — это, конечно, плохо, но с флагманом общественного транспорта случаются вещи и похуже. Вы приходите на остановку «Почтамт», что в городе Томске, а остановки нет. Поначалу вы как-то не замечаете этого. Завидев автобус, привычно разминаетесь на кромке тротуара, а он шпарит мимо. Вы ошалело осматриваетесь. Вот эта улица, вот этот дом, да и город, надо полагать, тот же, а остановки нет. Стибрили.

Подобно блуждающим огням, перемещаются по стране автобусные остановки. Сегодня она у аптеки, а завтра ей насточертел запах камфары и она сиганула к хлебозаводу, где ванилью пахнет, оттуда — к торговому техникуму, от техникума — опять к аптеке. Вы же, взмыленные, подхватываете свои авоськи и чемоданы, арбузы и младенцев и, тяжело дыша, носитесь за ней следом.

Загадочно исчезают автобусные остановки, но не будем канючить по мелочам. Что остановки, когда целые маршруты стираются порой с лица земли! Вот уж год, как бесследно пропал в городе Шахты, Ростовской области, маршрут «Каменоломня — Вокзал». Очень славный был маршрут, особенно для хворых, поскольку доставлял их прямо к больнице. Ныне у оазиса здравоохранения мог бы останавливаться автобус «Центр — Каменоломня», но шоферы отрицательно качают дисциплинированными головами: не имеют права без указания свыше, а ОН молчит.

Порой исчезновению маршрута предшествует бездорожье. Развезло по весне Первую Береговую улицу в Омске— все ясно: обезавтобусили улицу, но вот проветрилась дорога, цветы мать-и-мачехи зажелтели на обочине, потом высохли цветы от старости и дефицита влаги, а погибший в распутицу пятнадцатый маршрут не воскресал еще долго.

Мы едем

Как бы там ни было, в автобус мы проникли и не брюзжим больше — затихли, замерли, балдея от радости. Нету, заметьте, капризности в нашем пассажире. На нем сидят, его давят, его мнут, позвоночник выгибают ему, а он шепчет, не веря себе:

— Я еду...

Шофер, высунувшись из кабины, чеканит непререкаемо: «Приобретайте билеты, граждане. Всем — до Шатрова». Вам не до Шатрова, а много раньше выходить, но не станешь же дискутировать, когда на станцию Шадринск Курганской области прибывают с двадцати трех до часу ночи два полнометражных поезда, автобус же из Шадринска в Шатрово идет в это время один, и если вы не впрессуетесь в него, до утра мытариться вам под открытым небом. Понимаете шофера: он один, и автобус один, а вас масса, почему же не выбрать ему выгодных, «прямых» пассажиров, что едут из одного конечного пункта в другой? Вы согласны быть «прямым», вы переплачиваете втрое и шепчете, не веря себе:

— Я еду...

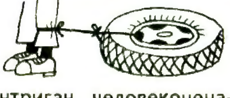
Диспетчер Горно-Алтайской автостанции предупреждает, впуская в автобус: «Поедете стоя», а вы возражаете в ответ, что билет брали заранее и в нем указано место. Диспетчер с нетерпением разъясняет, что все брали заранее и у всех указано, но вместо двух больших автобусов пойдет один маленький. Совмещенный рейс. Можете сдать билет, если вас это не устраивает. Вы испуганно машете руками и шепчете, не веря себе:

— Я еду...

Человеколюбиво остановив для вас автобус в мелком населенном пункте, шофер требует с вас полтинник, и ваша рука, в которой привычно зажаты три гривенника, растерянно опускается. «Мягкий автобус,— разъясняет шофер.— С откидными, самолетного типа сиденьями. Пощупайте, если не верите». Вы робко щупаете — ладошкой, а не тем, простите, местом, поскольку все сиденья заняты. И впрямь мягко. Только зачем это на пригородном маршруте? И к тому же, удивляетесь вы, почему ОН считает, что за стояние у мягкого и откидного надо платить больше, чем за стояние у жесткого? Но платите и шепчете, не веря себе:

— Я еду...

Снимите маску, злодей!

Кто же он — интриган, человеконенавистник, разрушитель, дерзко торпедирующий общественный транспорт? Ну, конечно же, ОН — это диспетчер, и вот уже, читатель, вы торопитесь обрушить громы на его виноватую голову. Ваш корреспондент покаянно снимает шапку: обрушивайте! — но сперва дозвольте сказать последнее слово.

Ваш корреспондент — дипломированный диспетчер и еще не так давно полнокровно усердствовал в этой должности. Раз в трое суток оказывался он, точно паук, в центре всей автобусной паутины одного южного города. В левой его руке были городские маршруты, в правой — пригородные. Полторы сотни машин требовалось ему согласно расписанию, но столько, естественно, он не получал никогда. Приходилось проказничать. Приходилось рассуждать: «Вот на пятом городском маршруте «Петровская балка — Центр» семь машин вместо десяти, а на Николаевке, до которой шестьдесят километров, ни одной вместо одной, билетов же продано полсотни. Скорбно разжималась левая городская рука, и автобус перекочевывал из нее в правую — пригородную. Но тут являлся водитель Викторов с маршрута «Центр — Светлое озеро» и клал на диспетчерскую ведомость лопнувший приводной ремень.

— Рисуй гараж, диспетчер. Неисправен я.

Запасного ремня на автостанции нету, хотя полное единодушие у всех, что на автостанции его иметь необходимо, как, впрочем, и другие мелкие запчасти. Но их даже в гараже не хватает. Словом, пять машин остается на «Петровской балке» вместо десяти. Неотвратимо близится час «пик». Диспетчер ежится. С девятого маршрута можно перекинуть кое-что на «Балку», но в районе девятого маршрута живет грамотный пенсионер Неиванов, который по вечерам бдительно дежурит на конечной остановке с блокнотом в руках.

Час «пик» разражается. Пассажиры атакуют утлую диспетчерскую, один верзила подбивает другого перевернуть ее вместе с содержимым, старушка в белой панамке классифицирует ваши действия как вредительство, а человек с портфелем собирает подписи под коллективной жалобой в «Крокодил» на вашего корреспондента, который тогда еще вашим корреспондентом не был. В этот момент звонит товарищ Неиванов, полный учтивости:

— Диспетчер Киреев, если не ошибаюсь? Известно ли вам, что на девятом маршруте не хватает автобуса? Буду в Совмин писать.

В результате на «Балке» остается четыре автобуса. Второй верзила дает согласие первому, и пол диспетчерской вздрагивает. Диспетчер звонко утверждает, что он диспетчер, а не господь бог, что от него мало что зависит... Ну, вы понимаете, что кричит человек, когда он является содержимым кувыркаемого помещения.

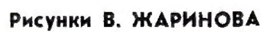
...Окиньте взглядом написанное — видите, какой увесистый камень бросаю я в бывших своих коллег. Но автобусник-эксплуатационник не умер во мне, и я спешу защитить их. Помощи требует флагман общественного транспорта. Недостает запчастей, плоха ремонтная база, дороги... Вот уж год, как отсох пятикилометровый кусок от маршрута № 7 в городе Стерлитамаке — бездорожье. Но не диспетчера же кувыркать за это.

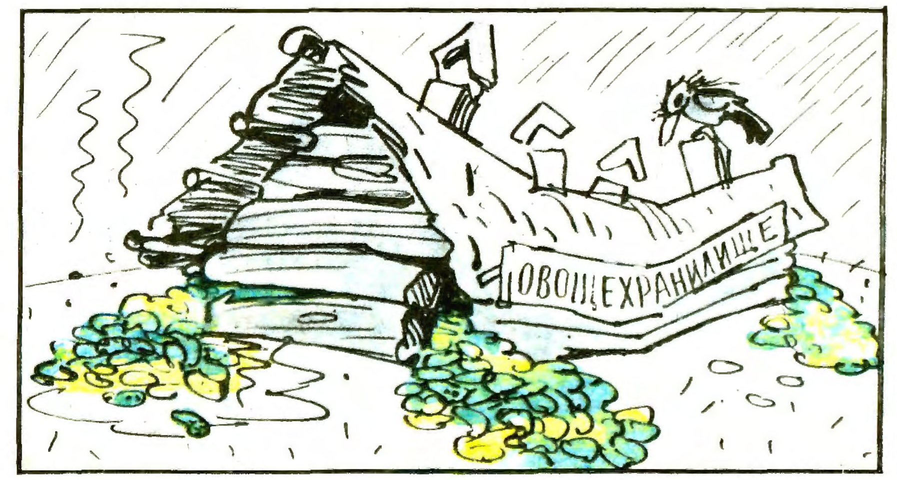
К защите и вниманию взывает флагман. К самодисциплине транспортников. К помощи сопряженных ведомств. И когда мы, протянув руку, наугад извлечем из присмиревшего человечества несколько индивидуумов, то пусть окажется, что из трех равно доступных всем проблем остались только две: медицина и искусство.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

пословица не зря молвится...

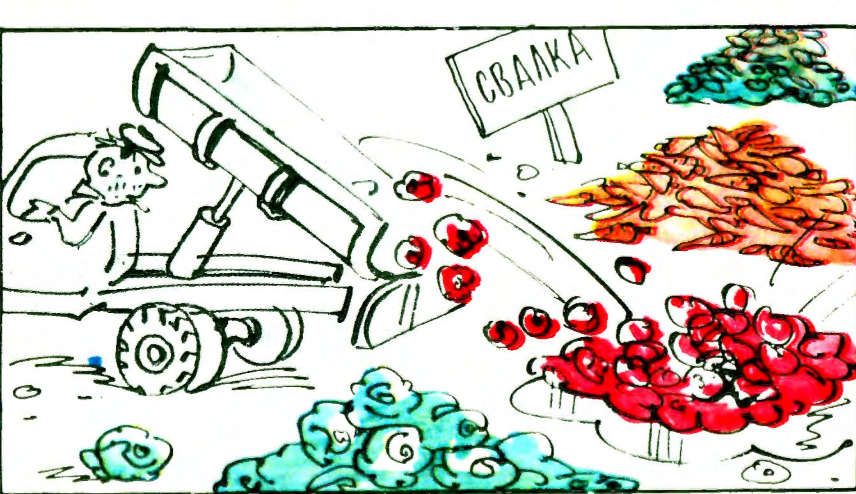

Не красна изба углами...

Яблочко от яблони недалеко падает...

Всякому овощу — свое время...

МИМОХОДОМ

Ц. МЕЛАМЕД

Неудачливый поэт почил в прозе.

Подлинной глубины достиг только в реке забвения.

И лентяи кое-что делают, но их вечно терзает мысль, что это отлично могли бы сделать за них другие.

Потерявший способность удивляться уже ничем никого не удивит.

В любви все возрасты проворны.

Добро — принудительный ассортимент к худу.

Да, умер, но зато какие врачи его лечили!

Когда истина рождается в спорах, трудно установить отцовство.

Бракоделов следовало бы поощрять за низкую производительность труда.

РАССКАЗЫ

Нужное знакомство

Вл. ПАНКОВ

У всех есть нужные знакомства. У одного администратор в театре — пропуск достать может, у другого завскладом — в любой момент, пожалуйста, олифа, кафель, у третьего — знакомый по зубному делу. Этот вообще все может. В его руках лучшие зубы города...

У всех есть, а у Хохлова вот нет.

«Стыдно в обществе показаться, честное слово. Кто я, тихо помешанный, холодный псих, что со мной никто знаться не хочет? Нет, я, считай, интеллигентный человек... У меня и мировоззрение, если хорошенько поскрести, найдется... Так почему же мне похвастать некем и нечем?»

Захотел однажды Хохлов зимой мороженого. Бывают такие странные желания у людей. Говорят, если в детстве чего-то не доели, не допили,— это потом сказывается: все время чего-то хочется съесть или выпить... Вот на этот раз Хохлову захотелось мороженого. Подошел он к продавщице.

— Пломбир,— спрашивает,— есть?

А мороженщица отвечает:

— Пломбир есть, только я вам советую взять цитрусовое. Очень редкое мороженое и невиданных вкусовых достоинств.

Взял Хохлов цитрусовое, пришел домой, съел.

«Точно. Невиданных вкусовых достоинств мороженое. Надо будет завтра после работы две пачки взять».

На следующий день подходит Хохлов к мороженщице.

— Цитрусовое есть? — улыбается.

— Эх,— отвечает мороженщица,— расхватали... Что же вы не предупредили, я бы вам оставила.

— Ну так оставьте завтра две порции. Или даже три...

И пошел. Назавтра подходит.

— А, это вы? — продавщица радостно.— Держите. Для вас приберегла троечку пачечек...

Защемило тут у Хохлова сердце от нового, неведомого, неясного чувства.

«Хорошо-то как, мамочки!.. Мороженое оставляют. И для кого? Для меня, для Хохлова какого-то. Честь-то, мамочки, какая!.. Отблагодарить надо будет мороженщицу. Я ей букетик завтра за рубль презентую...»

Подходит назавтра Хохлов к мороженщице, букетик на расстоянии вытянутой руки держит.

— Это,— говорит,— вам. Очень вам благодарен за мороженое. Спасибо за обслуживание.

Продавщица аж сомлела вся от неожиданности и смущения.

— Ой, а цитрусового сегодня-то и нету. На базе не дали.

— Я не за цитрусовое,— растерялся Хохлов,— я от души... Возьмите.

С тех пор, как только проходил Хохлов мимо мороженщицы, он всегда ей подносил что-нибудь. То ручку шариковую недорогую, то духи «Восьмое марта», то коробку конфет шоколадных...

Цитрусового мороженого, правда, больше не попадалось: база не отпускала. Но Хохлову важно было знакомство сохранить. Мороженщица была для него тем самым «нужным человеком», от отсутствия которого Хохлов так долго страдал.

Вот он и дарил ей всякие безделушки — знаки внимания. По праздникам, правда, покупал что-нибудь приличное. Даже в разор вошел, сам себя стал транжирой ругать, но остановиться уже не мог, а жениться на мороженщице (чтоб подарки обратно вернуть) не хотел: жену уже не назовешь «нужным человеком».

Зато знакомым своим он все уши прожужжал:

— Есть у меня один человек. В торговой сети работает. Очень нужное знакомство, особенно летом. В жаркие дни его товар — дефицит. Представляете, какие широкие возможности, какие связи?..

А сам по ночам статьи переводил: добывал средства мороженщицу умасливать. И ведь не ради мороженого, не ради... Ради «нужного человека».

Автандил АДЕИШВИЛИ

Трудная неделя

Приемная директора была переполнена. Секретарша записывала на прием, как к врачу-гомеопату: на следующий месяц. Нико решил пробиться без очереди. Три дня ожидания в приемной с утра до вечера, и маневр удался. К концу третьего дня, когда все записанные уже прошли, а директор еще не вышел из кабинета, Нико проскочил сквозь незапертую дверь.

— Здравствуйте! — сказал Нико.

Начальник сидел, как мокрая ворона.

— Ох, Нико,— простонал он,— посмотри на меня, я уже не человек. Только и знаю, что принимаю людей. И у всех личные вопросы. Один развелся с женой, у другого жена требует, чтобы его повысили в должности. Я уже ничего не понимаю. Войди в мое положение, приди завтра с утра.

Легко сказать — завтра! Перед глазами Нико возникла картина приемной директора.

— Завтра не могу,— сказал он,— завтра сестра моей жены наконец выходит замуж. Я назначен тамадой.

— Хорошо, приди послезавтра!

— Послезавтра я уезжаю на свой садовый участок, буду опрыскивать виноградник.

— Приходи через три дня.

— Суббота? Не могу. Выходной день.

— Приди через четыре дня...

— Что вы говорите! Через четыре дня воскресенье!

— Приходи в понедельник.

— В понедельник? У нас в поликлинике диспансерный день. Иду сдавать анализы, делать кардиограмму.

— Приходи во вторник.

— Во вторник вы не можете. Зональное совещание в главке.

— Хорошо, скажи, что ты хочешь? — еле проговорил директор.

— Отпустите на неделю. Без сохранения содержания.

Начальник замотал головой.

— Такой вопрос решить сразу? Приходи завтра.

— Я же сказал: завтра не могу. Сестра жены выходит замуж. Я тамада.

Внезапно Нико хлопнул себя ладонью по лбу.

— Товарищ начальник, я совсем забыл! Вы тоже приглашены на свадьбу. Приходите, там и поговорим.

— Запиши адрес. В котором часу прийти? Так! Приготовь заявление: «Прошу отпустить меня на неделю...».

— С сохранением содержания,— подсказал Нико.

Авторизованный перевод с грузинского Н. ЛАБКОВСКОГО.

С. БОДРОВ

Куда глаза глядят

Нет, я лето не люблю. Не нравится мне это время года, и все тут. Летом я с женой неизбежно ругаюсь.

Вот воскресный день наступил, утро. Сидим мы на кухне, завтракаем. Посмотрел я в окно — виден пруд. Туда дворовые дети палки бросают, водой брызгаются.

— Где,— спрашиваю,— дочь наша Люба, Катя?

Люба — наша дочь. Катя — жена моя. У нее и спрашиваю.

— Где,— говорю,— дочь наша Люба?

А у соседей наверху Муслим Магомаев про свадьбу поет, жена моя посуду моет, ничего не слышит. Я злюсь, в третий раз:

— Где?.. — спрашиваю.

— Да что ты, Федя, кричишь? — говорит жена.— Любочка на олимпиаду ушла математическую.

Ладно, смотрю в окно, чтобы нервы утихли. Дети все еще палки бросают в пруд.

— Ладно,— говорю,— Катя, сейчас готовь пищу, потом пойдем в кино. С Юрием Никулиным кино.

А у соседей уже ансамбль «Ореро» выступает, жена посуду в сушилку сует, ничего не слышит.

— Катя,— говорю,— жарь пищу, пойдем в кино. Там Никулин.

— Нет, Федя,— отвечает она мне.— Я лучше дома останусь. Я хочу окна помыть.

— Так в кино же интересней,— говорю.

— Что? — спрашивает.

— Выключи,— кричу я ей,— воду! Ты только о себе и думаешь! Хочу! Я, может быть, тоже хочу... в бильярдную пойти. Не так часто я тебя в кино приглашаю! В будний день надо окна мыть, понятно?

— Нет, Федя,— говорит,— в будний некогда.

Тут я не вытерпел, дверью хлопнул. Бегу мимо пруда, куда дворовые дети палки бросают, на остановку бегу. Уеду, думаю, куда глаза глядят.

Вскочил в автобус, за проезд заплатил, сел.

Едем, трясемся. Дома новые заселяют. Квас, мороженое, воздушными шарами торговля.

Со мной рядом мужчина сидит лет сорока. Добротный плащ, кашемировый. Он меня и спрашивает:

— Что невесел, башку повесил?

Я ему не отвечаю: не хочу разговаривать.

— Небось,— говорит,— с женой поругался?

Мы едем и едем.

— Это, конечно, настоящая беда, а пришла беда — отворяй ворота.

Я с ним не разговариваю.

— А вот у меня жена — золото. Хорошую взял,— говорит сосед.

— Я тоже не могу пожаловаться,— вмешался пассажир с переднего сиденья.— Из Рязанской области у меня жена.

— Из Рязанской они хорошие,— сказал по радио водитель автобуса.

— Не повезло парню! — зашумели все.— Езжай, парень, в Рязанскую область! Туда поезд есть с Казанского вокзала в восемнадцать пятьдесят!

— Что вы мне советуете? — не выдержал я.— Что советуете? Да у меня жена лучше всех! В доме чистота! Дочь наша на олимпиаде выступает! А я в центр ездил, хотел цветы в подарок купить, только не досталось!

И тут смотрю я в окно—пруд, дети кораблики пускают. Моя остановка. Автобус-то по кольцу ходит.

И вот бегу я мимо пруда домой. Солнце светит над головой, окна блестят. Нет, хорошо все-таки, думаю, летом!

— Ах, у вас свадьба? Ну, тогда все в порядке...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Цезарь СОЛОДАРЬ

ПОЧЕМУ Я НЕ СТУДЕНТ?

Прикидывают, загадывают, с особенным рвением подсчитывают, подсчитывают, подсчитывают.

Речь идет о беспокойных людях, заполняющих ложи прессы на чемпионатах, Олимпиадах и, конечно, Универсиадах.

Когда я вспомнил, что и мне надо бы заняться на Универсиаде какими-нибудь сногсшибательными подсчетами, оказалось, уже подсчитано все, решительно все! И на сколько африканских и азиатских блюд богаче обеденное меню нынешних Мировых Студенческих Игр по сравнению с предыдущими. И какие цвета каких оттенков преобладают в костюмах делегаций. И, самое обидное, без моего участия был уже сделан наисложнейший подсчет: точно установили, что среди участников число студентов составляет ровно 100 процентов. Не 99,99, а именно 100.

Как достигнут такой показатель? Решительным преодолением попыток отдельных лиц, не принадлежащих к шумному студенческому племени, просочиться в состав универсиадцев. Преимущественно из среды профессуры, доцентуры, ассистентуры. Такую попытку позволил себе, к примеру, доктор физико-математических наук профессор Ленинградского политехнического института Сергей Койков.

Вздумал прибежать в Москву — и не какой-нибудь антиинфарктной трусцой, а резвым спортивным ходом — прямо из архангельского села Ломоносова, родины основателя Московского университета. И хотя почтенный профессор поставил новый рекорд марафонского пробега в своей возрастной категории, ему пришлось довольствоваться скромной ролью всего-навсего почетного гостя Универсиады-73.

Судьбу профессора покорно разделил и некий доцент. По совместительству он многократный чемпион мира по классической борьбе. И ему пришлось за судейским пультом основательно поразмыслить о спринтерском беге времени. Подумать только, еще так недавно студент Саша Медведь ездил на Универсиады в составе нашей команды. И вот на тебе — перед доцентом Александром Медведем дорога в студенческую команду закрыта!

А кубинский студент-психолог Хосе Иглесиас грустил по другой причине: по возвращении из Москвы предстоят выпускные экзамены. Значит, путь на следующую Универсиаду заменчательному фехтовальщику заказан. Правда, можно посоветовать Иглесиасу добиваться аспирантуры — ведь первые аспирантские годы приравнены на Играх к студенческим. Но аспирантура — как никак новые заботы.

...Итак, что же все-таки подсчитать? И вдруг с быстротой пущенного аспиранткой Фаиной Мельник диска меня осенила мысль: подсчитать количество споров.

Как, на Универсиаде? Где награды вручаются под звуки «Гаудеамуса», воспевающего дружбу и согласие!

И все же я сам слышал, как суданские студенты яростно, до хрипоты спорили с японскими. Темпераментные африканцы громогласно утверждали, что самые предупредительные и радушные москвичи — это шефы их делегации, комсомольцы кондитерского комбината «Рот фронт». А сдержанные сыны и дочери страны восходящего солнца, многозначительно посмеиваясь, вежливо, но с железным упорством доказывали, что подобные эпитеты применимы только к их шефам из Первого медицинского института.

В спор вмешались спортсмены с зелеными силуэтами кенгуру на майках. Снисходительно высмеяли и тех и других. Кто же может, настаивали австралийцы, сравниться с молодыми работниками фирмы «Детский мир»? «Вроде мы дети, а они молодые мамы и папы».

И не только суданцы, японцы и австралийцы — все 66 зарубежных делегаций выразили 66 своих собственных категорических мнений. Никакого, словом, согласия!

Весьма распространенным оказалось на трибунах восклицание из шести слов, неизменно сопровождаемое глубоким вздохом. Да, не тренировочным вдохом, не торжествующим охом, а именно грустным вздохом. Вот оно, это восклицание:

— Ах, почему я уже не студент?!

Слово «уже» никем не заменялось словом «еще» — и читателям нетрудно догадаться, что столь скорбно восклицали люди, шагнувшие далеко за студенческий возраст.

Мне, распрощавшемуся со студенческой скамьей ровно за двадцать девять лет до первой Универсиады, вначале казалось, что из всех, кто хоть каким-нибудь боком причастен к Играм, я самый великовозрастный. Но меня великодушно утешил один корреспондент одного журнала одной латиноамериканской страны. Он самоотверженно признался, что почти на целых полтора месяца старше меня. И как поистине благородный человек пожелал остаться неизвестным. В порыве благодарности я отдал ему семь классных значков. В порядке компенсации он поделился со мной, заглянув в блокнот, некоторыми тонко подмеченными чертами московской Универсиады:

— Все говорят: Малая Олимпиада! А я утверждаю, что по ченчу эта Универсиада превзойдет многие Олимпиады! А серьезно говоря, и по песням, пляскам, веселью. А совсем серьезно — и по огромной культурной программе, к которой так жадно тянутся и массивные борцы и грациозные гимнастки. Превзойдет — ручаюсь головой!

Мне довелось побывать на нескольких Олимпиадах — и могу с полной уверенностью успокоить читателей: мой собеседник не рискует седой головой, а заодно и шляпой, испещренной значками.

Немало лысых сверстников встретил я и среди судей, тренеров, врачей. Меня это все-таки не вполне успокоило. При настойчивом содействии внутреннего голоса № 1 я тоже печально самовыразился:

— Ах, почему я уже не студент! А вдруг стал бы универсиадцем!

Тут же вмешался внутренний голос № 2:

— Но тогда мне не пришлось бы писать этот репортаж!

Однако голос № 1 нанес своему рассудительному собрату нокаутирующий удар:

— А кое-кто прекрасно совмещает и то и другое! Ведь одна студентка журналистского факультета МГУ сумела прекрасно использовать Универсиаду и для репортерской практики. Да, тренируясь в бассейне, она, не отходя от... виноват, не выходя из воды, взяла у своих соперниц интересные интервью для спортивной газеты. Учись, брат, у молодых!

Не желая прослыть нескромным, прямо скажу: научиться заодно плавать стилем брасс, как это почему-то удается олимпийской чемпионке Галине Степановой-Прозуменщиковой, я, пожалуй, не смогу. При всем желании.

А не заняться ли мне изысканием отдельных недостатков? Так сказать объектов сатирического осмеяния?

Мне повезло. В плавательном бассейне увидел нахмурившуюся Кети Карр — реальную надежду пловчих Соединенных Штатов на мировое первенство. Реальная надежда, стройная и золотоволосая, явно была чем-то недовольна — я сразу же разглядел это невооруженным глазом в ее глазах. А ведь она еще не стартовала — стало быть, корень не в спортивной неудаче. Что ж, порасспрошу американку, узнаю, кто ее в Москве обидел.

— Меня преследуют,— начала свой жалобный монолог Кети.— Преследуют безжалостные собиратели автографов. Из-за этого я отвлекаюсь, когда тренируются мои соперницы. Во-вторых, это приносит мне дополнительную нагрузку на кисть правой руки. Но в третьих, — примирительно улыбнулась она,— Ольге Корбут у нас, в Штатах, пришлось гораздо трудней. Наши журналисты так и не смогли подсчитать, сколько сотен автографов она раздала. Ужас!.. Кстати,— окончательно рассмеялась студентка университета из Нью-Мехико,— у меня есть поручения раздобыть два автографа Ольги. Даже три. Что меня ждет, если я вернусь без автографов!

Продолжая поиски критического материала, узнал о загадочном происшествии в команде мексиканских волейболисток. Среди бела дня исчезли две спортсменки! Прямо с площадки! За целых шесть минут до конца тренировки!

Пока я лихорадочно припоминал розыскные методы инспектора Мегрэ, мексиканский тренер уже все установил. И, всплеснув руками, впервые в жизни внятно и раздельно произнес (и даже зарифмовал!) два слова по-русски: тренировка — Третьяковка!

Поспешили посетить Третьяковскую галерею и спортсмены из США. Удалые запорожцы, заразительно хохочущие при сочинении письма турецкому султану, им особенно пришлись по душе. Подчеркиваю это для Уилла Гримэли, спортивного обозревателя агентства Ассошиэйтед Пресс на Универсиаде. Американские спортсмены хохотали почти на запорожском уровне, когда узнали, что мистер Гримэли на страницах «Вашингтон пост» причислил их к «пленникам», которым известное время «было запрещено покидать территорию университета» и к которым «не были допущены» корреспонденты!

Вот так, поставив далеко не спортивный рекорд клеветы, с размаху угодил в лужу один из тех, кому ограда лужниковского стадиона показалась «железным занавесом», кто жаждал найти приметы «холодной войны» в теплой атмосфере всемирных Игр.

И все-таки я обнаружил носителя недопустимых недостатков. Вернее, носительницу. Ею оказалась продавщица одной из дежурных микроточек питания в кулуарах лужниковского стадиона.

Когда в часы торжественного открытия Универсиады на поле вышла колонна гимнастов-знаменосцев, девушка вывесила лаконичное объявление «Закрыто на открытие» и убежала на трибуны. Факт, заслуживающий осуждения! И все же не обнародую имя нарушительницы. Уйма смягчающих обстоятельств! Она и студентка-вечерница, и спортсменка-разрядница, и перевыполнила в тот вечер торгфинплан. Но главное — она подруга одного из 800 знаменосцев. Какого? Того самого, который, по ее глубокому убеждению, отличается от остальных 799 неописуемо притягательной улыбкой.

...А самые разнообразные подсчеты продолжались до последнего дня Универсиады. И на их основе справедливейшим образом присуждены все призы, включая такие решающие, как «Самой элегантной участнице» и «Самому рыцарскому участнику».

И все же дотошные спортивные обозреватели и наисовременнейшие вычислительные устройства подсчитали далеко не все.

Насколько, например, укрепили и закалили Игры сердечную дружбу студентов пяти континентов?

Сколько килокалорий живительного тепла Москвы увезли с собой студенты, на «отлично» сдавшие московскую сессию спорта дружбы и мира?

Да, это не подсчитано.

Но навсегда записано в сердцах 4 200 участников Игр.

В. ДВОРЦОВ

Если бы я сразу пошел на волейбол...

Эх, если бы я тогда сразу пошел на волейбол! Но на беду в первый день моего сотрудничества в редакции заведующий отделом спорта попросил написать о шахматах.

Я добросовестно просидел пять часов на матче претендентов, а когда оба маэстро поднялись из-за столика и публика направилась к выходу, тотчас помчался к телефону. На демонстрационной доске еще оставались фигуры и пешки — поровну у обоих гроссмейстеров,— и исход встречи был для меня неясен. «Кто выиграл?» — осведомился я у блондина в клетчатом пиджаке, руководителя пресс-центра. «Никто»,— ответил он лаконично.

Так я и сообщил в редакцию — партия закончилась вничью.

А назавтра выяснилось, что встреча была отложена и при доигрывании, как объяснил мне с кислым видом шеф, победили белые.

После этой ошибки мне дали задание полегче: послали на футбол. Футболисты не тянули волынку пять часов. Через 45 минут, когда на табло сверкали цифры 2 : 1 в пользу «Спартака», они покинули поле. Удалился и судья с помощниками. Я обратил внимание, что унесли и мяч, а болельщики помчались к выходам во много раз быстрее, чем бегали футболисты на поле.

Я передал заметку о победе «Спартака», чем немало обрадовал коллектив редакции (сотрудников, болевших за другие команды, туда, оказывается не принимали). А вечером мне домой позвонил заведующий отделом и долго и обидно разъяснял, что в футбольном матче два тайма, и если бы параллельно не пришло сообщение телеграфного агентства, в газете по моей вине опять была бы ошибка...

Два тайма так два. Я не возражал...

День мне никаких поручений в редакции не давали, но потом начальник смилостивился, и я поехал на хоккей.

После первого периода, умудренный опытом, я и не думал подниматься с места. Но кто же знал, что в хоккее этих периодов три?

Счет после двух периодов, который я указал в своей заметке, опять не совпал с истинным результатом.

За четыре дня — три ошибки. Но я не унывал, чего, правда, нельзя было сказать о шефе.

Все-таки через пару дней мне дали новое задание. «Не торопитесь,— напутствовал меня начальник,— передавайте итоговый результат, а не бог знает что».

Водное поло мне, в общем, понравилось, если бы... игра продолжалась не четыре периода. В последней пятиминутке были забиты два гола, которых я уже не видел.

За неделю, вполне естественно, я мало с кем успел познакомиться в редакции, но меня, как ни странно, знали почти все. Сотрудники при встрече приветливо улыбались, подмигивали.

Слава всегда приятна. Но шеф почему-то морщился. Может быть, завидовал?

В понедельник он, не глядя на меня, сказал: «Даю вам еще одно поручение — поезжайте на волейбол, но если вы снова напутаете, не взыщите».

Ну, тут-то уж ничего не произойдет, успокаивал я сам себя: на даче летом мне приходилось играть в волейбол, правда, не через сетку, а в «кружок».

Волейболисты сыграли три партии и ушли на перерыв. Но я не поддался на «провокацию». Только после четвертой партии, когда счет стал 2 : 2, помчался к телефону.

...Возвращая мне трудовую книжку, секретарь главного редактора — довольно миловидная дама — сказала не без ехидства:

— В волейболе ничьих не бывает, зря вы не дождались пятого сета.

Эх, если бы я сразу пошел на волейбол...

В НЕЛЕТНУЮ ПОГОДУ. Под крылышком Аэрофлота...

Рисунок И. СЫЧЕВА

М. СЕМЕНОВ

ЗЛОУМЫШЛЕННИК КЕШКА

Дарья Федоровна с ее необыкновенной чуткостью ко всему, что касается детей, сразу же раскусила Кешку. Как только он появился на веранде их дачи в сопровождении Вовы.

— Познакомься, мама, с моим приятелем,— сказал Вова.— Его зовут Кеша, он приехал из Сибири погостить у своей тетки.

«Не иначе, отчаянный сорванец, ушкуйник»,— решила Дарья Федоровна. Упоминание об обширном восточном районе нашей страны вызвало у нее почему-то ассоциацию не с Сибирским филиалом АН СССР — питомником вундеркиндов, а с дикой казачьей вольницей. Дальнейшее сообщение сына еще более укрепило Дарью Федоровну в ее нелестном мнении о юном госте.

— Ты знаешь, мама, какой у него ножик? — продолжал Вова.— Входит в дерево, как в брусок масла. Мы такое там творим...

— Кеша, голубчик, скажи, что вы делаете в саду? — со страхом пролепетала Дарья Федоровна и живо представила себе, как под ударами Кешиного ножа падают молодые яблоньки и вишни...

— Кубарь,— буднично ответил Кешка и, решив, что знакомство несколько затянулось, покинул веранду. За ним ушел и Вова.

Что такое кубарь, Дарья Федоровна не знала, и ей подумалось, что это какое-нибудь ужасное оружие, среднее между рогаткой и древней палицей. И впоследствии очень удивилась, увидав, что эта выстроганная из березового чурбачка игрушка — обыкновенный волчок. Только вращал его Кеша с помощью веревочного бича. А если вращение замедлялось, меткий удар бича подхлестывал кубарь, и он начинал крутиться и жужжать с новой силой...

Волчок как волчок, ничего особенного, их в «Детском мире» навалом, Дарья Федоровна сама покупала сыну по рублю штуку. Удивило ее другое: по Кешкиному образцу кубари смастерили все поселковые ребята, и скоро от них прохода не стало, бичи щелкали во всех дворах и на всех дачных уличках. «Не хватало еще,— подумала она,— чтобы Кешка научил ребят делать свистульки и пастушьи рожки, тогда наш дачный поселок превратится в настоящий животноводческий комплекс».

Предчувствие Дарьи Федоровны сбылось наполовину. Кешка оказался настоящим мастером по простейшим деревянным музыкальным инструментам. Его самодельные дудочки свистели и пищали на все лады, имитируя голоса различных лесных птиц. Некоторые дачники, обманутые нестройным ребячьим хором, шире открывали окна, решив, что голосистые пернатые, некогда покинувшие дачные места, вернулись вновь.

Дальше-больше, от волчков и свистулек перешли к саблям, а потом взялись и за самодельные деревянные ружья. Вова, а с ним и десятки других поселковых мальчиков ходили теперь с порезанными пальцами и кровавыми мозолями на руках. И даже по ночам вслух бредили о лошадях, чтобы надергать у них из хвостов волос для силков и плетения особо прочных лесок. Дарья Федоровна с грустью видела, что магазинные игрушки, которым когда-то так радовался Вова, сейчас мертвой грудой пылились в углу веранды.

Виной всему был Кешка. И Дарья Федоровна решила принять в отношении этого злоумышленника самые радикальные меры.

Собравшись однажды в город, она спросила Вовиного дружка:

— Кеша, а ты не хочешь съездить со мной? Помог бы сумку с продуктами нести.

— Помогу,— ответил Кеша.— Только тетку предупрежу.

Добравшись электричкой до города, Дарья Федоровна сразу повела Кешку в «Детский мир». Замысел ее был прост: пусть увидит юный сибиряк, на что способна наша индустрия игрушек, и навсегда выкинет из головы свои самоделки.

Магазин действительно ошеломил Кешку. От многолюдья, пестроты витрин, обилия игрушек он долго не мог прийти в себя. А потом, приглядевшись к ценам, сразу успокоился: ни родители, ни тетка деньгами Кешку никогда не баловали, так что волноваться было не из-за чего. Успокоившись, Кешка стал внимательно приглядываться к товарам. И вдруг Дарья Федоровна увидела, что он стоит у прилавка и хохочет.

— Чему ты, Кеша, смеешься? — спросила она.

Кеша указал ей на табличку за прилавком: «Лук и стрелы — 1 руб. 40 коп.». Здесь же лежал пластмассовый лук и несколько деревянных стрел с резиновыми наконечниками.

— Ну, и что же тут смешного?

— Да как же, тетя Даша, ха-ха-ха!

Очевидно, Кешка подумал, как будут смеяться деревенские ребята, когда он им расскажет об этой игрушке, да вот и сам не удержался. Из подсобных материалов — веток орешника и жилки друзья Кешки делали такие луки и стрелы, что с ними впору идти в тайгу промышлять тетерева и белку. А такое вот «оружие» и девчонка постыдилась бы в руки взять.

— Ха-ха-ха! — закатывался Кешка.

— Перестань сейчас же! — остановила его Дарья Федоровна и повела к педагогу-методисту по игрушкам.

— Хочу посоветоваться с вами насчет вот него,— сказала Дарья Федоровна, указывая на Кешку.— Меня тревожит, как он относится к игрушкам...

— А что, он их ломает?

— Наоборот, делает.

Девушка-методист с удивлением уставилась на Кешку и позвала нескольких своих подруг — продавщиц магазина. Подошел и товаровед.

— Вот этот товарищ,— представила девушка Кешку,— недоволен нашими товарами. Он их высмеивает. И вообще, со слов этой гражданки, занимается частным промыслом, подрывая тем самым устои государственной промышленности.

Товаровед с интересом посмотрел на необычного посетителя магазина.

— Ты взаправду можешь делать игрушки? — спросил он.

— Взаправду,— ответил Кешка. И продавщицы глянули на него так, будто он только что спустился с планеты Марс.

Товаровед взял со стола ярко раскрашенную коробку, вынул из нее игрушку, отдаленно напоминающую пистолет, и нажал на спусковой крючок. Вверх взмыл пластмассовый кружочек и, описав полукруг, с тихим жужжанием опустился на пол. На коробке была красивая надпись — «Полет» и обозначена цена — один рубль.

— Такую сделаешь, мастер?

— Не, такую не мог — ответил Кешка.

— Ну, вот, видишь...

— Мы делаем не такие, а лучше,— закончил свою мысль Кешка.

— Кто это мы?

— Деревенские, значит, ребята.

И Кешка объяснил: чтобы сделать эту игрушку, нужна обыкновенная катушка от ниток, моток веревки и вырезанный из тонкой жести пропеллер. Он, случается, взлетает так высоко, что из глаз скрывается.

Подошла еще одна продавщица и, увидев Кешку в кругу взрослых, с явным ожесточением сказала:

— Вот он, злодей!

— Что это значит, Люда, объясните! — попросил товаровед.

— А то значит, что он у меня сегодня несколько покупателей отбил. Поступила к нам новая игра «Парашютный десант». Знаете, змей там из полиэтиленовой пленки, парашютики и все такое. Дорогая игрушка — четыре рэ. Развернула я ее, показываю, а покупательниц уже целый хвост образовался. Ну, думаю, порядок будет с планом. А тут малец этот выскочил...

— Ну и что?

— Не покупайте, говорит, тетеньки. Никуда не полетит змей, хотя он и четырехрублевый.

Товаровед обратился к Кешке:

— Почему ты так говорил?

— Потому, что я стою за правду. Тятька так велит.

— Ишь, правдолюбец какой! Там, на заводе, понимаешь, целое КБ новые образцы разрабатывает. А он пришел, глянул и изрек: «Не полетит!»

— Точно, не полетит! — упрямо повторял Кешка.— Такую тяжесть в воздух поднять только ураган может. Но ведь он и крыши ломает, что толку!

За свою короткую жизнь Кешка смастерил сотни бумажных змеев и потому знал, о чем говорил. Но это было опасное знание. В храме детского досуга твердо исповедовали ту истину, что взрослые делают игрушки, а дети в них играют. Кешкина проповедь ребячьих самоделок звучала тут, как злонамеренная ересь...

К чести автора, следует сказать, что ему не изменило чувство меры и он не намерен доводить начатое повествование до, может быть, логически оправданного, но мрачного конца. Нет, Кешку не сожгли на костре и ему не пришлось разделить трагическую судьбу многих великих искателей истины. Все кончилось гораздо проще и будничнее.

— Скажи мне, Кеша,— спросил товаровед после небольшой паузы,— ты часто бываешь у нас?

— Сегодня он здесь впервые,— вмешалась Дарья Федоровна.— И, наверное, больше уже не придет. Каникулы-то кончаются, ему домой пора ехать.

— Тогда отлично! — с облегчением произнес товаровед.— Кланяйся, Кеша, матушке-Сибири.

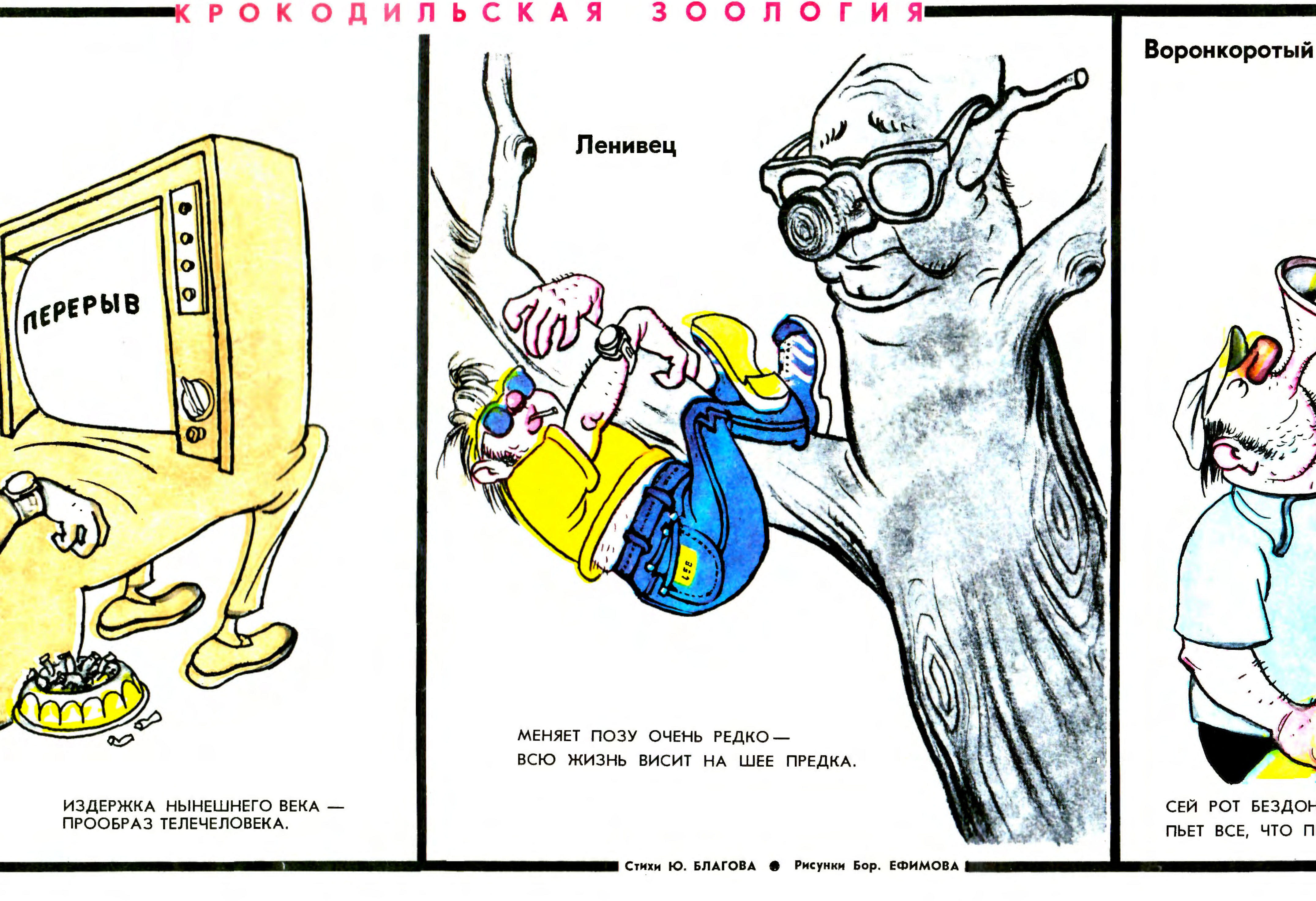
И Кешка действительно скоро уехал. Забыли о нем и в дачном поселке и в «Детском мире». Дарья Федоровна регулярно посещает магазин и покупает игрушки Вове. А он, поиграв для приличия, неделю-другую, ломает их. У прилавков магазина толчея, план выполняется. В общем, все вернулось в прежнюю колею.

Лишь иногда, прочитав или услышав где-нибудь утверждение, что трудовое воспитание ребенка начинается с малых лет, может быть, даже с игрушки, которую он смастерил сам, Дарья Федоровна вспоминает о Кешке. «А ведь в чем-то этот чертенок был прав»,— думает она.

Но потом быстро спохватывается: боже, какая ересь лезет ей в голову! И радуется, что так быстро раскусила злоумышленника Кешку и благодаря этому он не успел оказать на ее Вову рокового, пагубного влияния...

КРОКОДИЛЬСКАЯ ЗООЛОГИЯ

Телегибрид

ИЗДЕРЖКА НЫНЕШНЕГО ВЕКА —
ПРОБРАЗ ТЕЛЕЧЕЛОВЕКА.

Ленивец

МЕНЯЕТ ПОЗУ ОЧЕНЬ РЕДКО —
ВСЮ ЖИЗНЬ ВИСИТ НА ШЕЕ ПРЕДКА.

Воронкоротый

СЕЙ РОТ БЕЗДОННЕЕ КОЛОДЦА —
ПЬЕТ ВСЕ, ЧТО ПЬЕТСЯ И НЕ ПЬЕТСЯ.

Стихи Ю. БЛАГОВА ● Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Василий
ДАВЫДОВ-АНАТРИ

Борода

Наш Иван с лица, как дед,
Хоть ему семнадцать лет.
Вон идет он, бородатый.
А прохожие вослед:

— Надо б, дедушка, в трамвае:
Чай, потопал на веку...
Сесть любезно помогают,
Дружно место уступают
Пассажиры «старику».

Ай да чудо-борода!
Выручает — хоть куда!

За обедом на Ивана
Смотрят люди — смехота:
Ну как пиво из стакана
Выльет в ухо вместо рта!

В бороде своей заросшей
Долго роется он ложкой.
И в конечном счете суп
Льется струйкою на пуп.

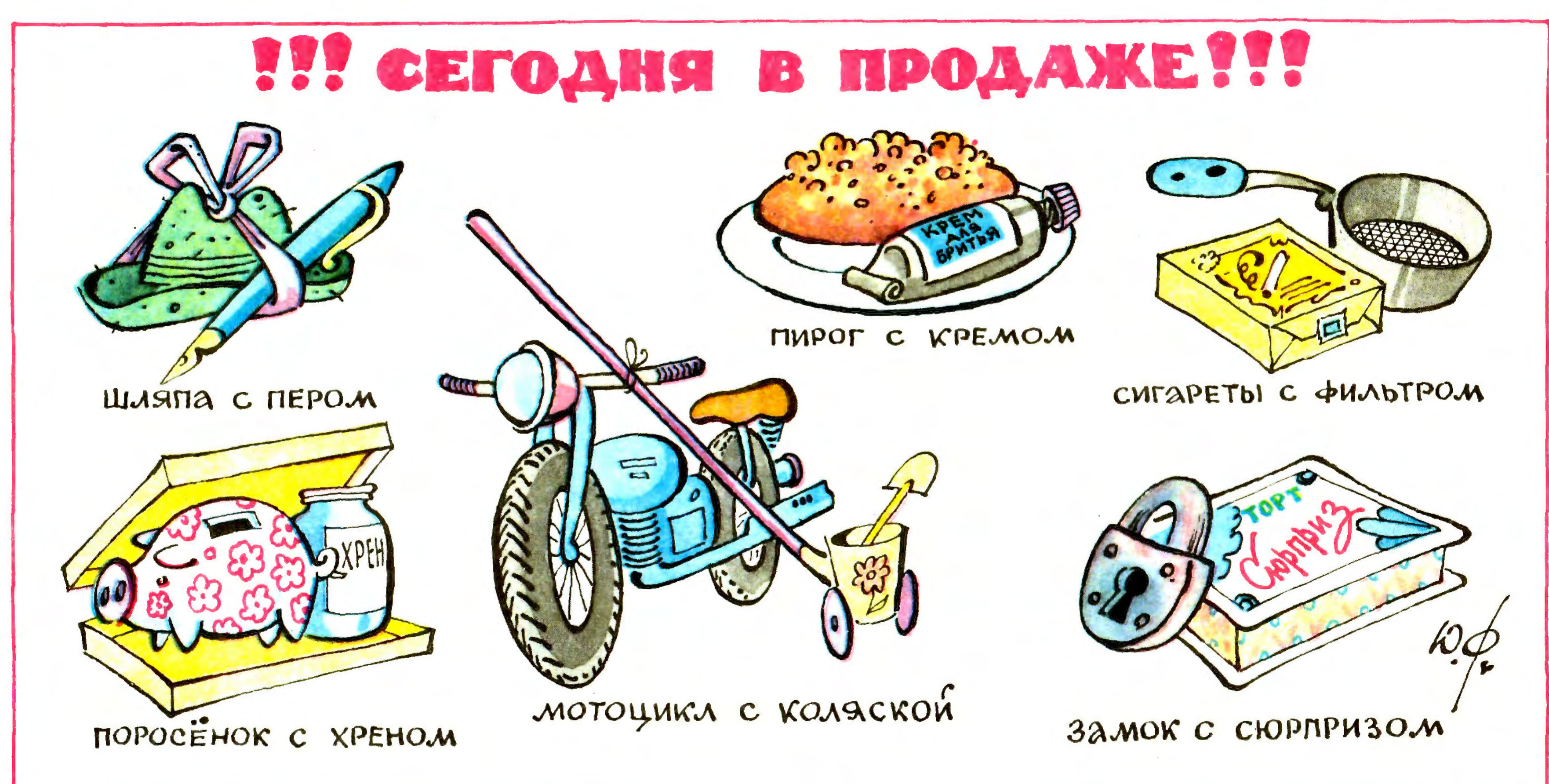
Среди сверстников-ребят
Наш Иван, как средь внучат.
Даже парни-одногодки
«Здравствуй, дедушка!» кричат.

Бородою тот кивает
(Ох, дремуче поросла!)
И о том совсем не знает,
Что он зависть вызывает
Лишь у старого козла.

Перевел с чувашского
М. ГЛАЗКОВ.

ЕЩЕ О ТОРГОВЛЕ С НАГРУЗКОЙ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

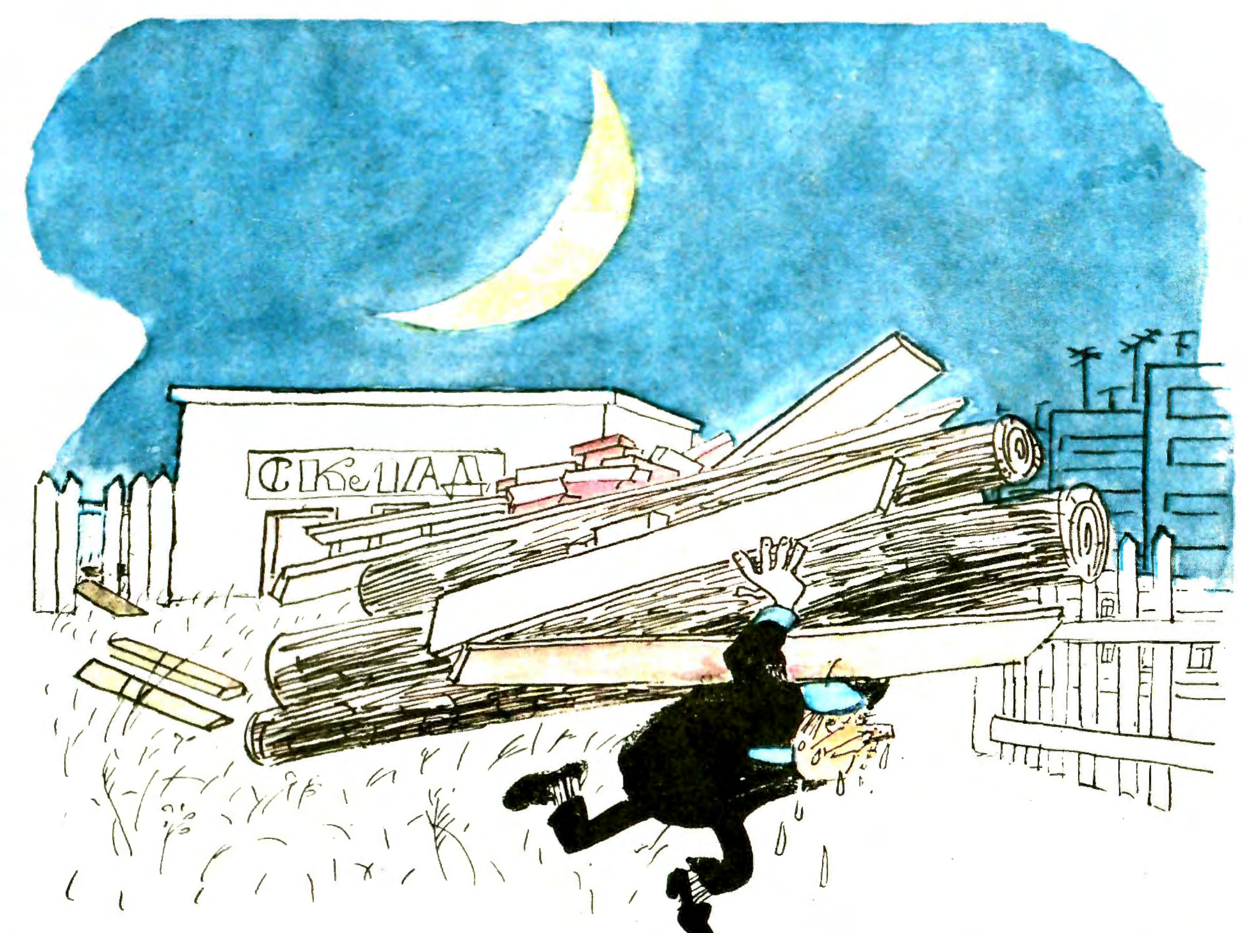

Борис МУРТАЗОВ

ГЕНИАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА

В Доме Гениев Пера
есть веселая игра:
— Слушай, друг, да ты талант!
— Слушай, друг, да ты гигант!
— Кто назвал гигантом Мишу?
— Браво! От гиганта слышу!
— Ты Стендаль!
— А ты Флобер!
— Ну, а Яша, например?
— В Яше вижу я Бальзака!
— А не много ли, однако?
— М-мм! Пожалуй, многовато...
— Ну, а Маня — Гайавата!
— Гайавата был мужик.
И к перу он не привык,
был на Маню непохожий
и к тому же краснокожий...
— Ну, простите, ради бога,
я напутала немного,
просто я сказать хотела —
Маня — истая Лонгфелла!

Перевел с осетинского
А. ГОЛЕМБА

— А говорят, я ищу легкой жизни!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ВРЕМЯ ДОРОГО»

Несколько раз откладывался суд над вором, похитившим в автобусе кошелек у жительницы гор. Херсона Касатовой: то не являлись свидетели, то вовремя не доставили ответчика.

Тогда потерявший терпение судья Мельник Я. М. обратился в милицию с просьбой обеспечить принудительную явку в суд всех, в том числе и пострадавшей Касатовой... Работники милиции, проявив сверхстарание, разбудили Касатову в час ночи, чтобы доставить сначала в КПЗ, а потом и в суд.

Об этом рассказывалось в фельетоне «Время дорого» Е. Матвеева («Крокодил» № 17).

Председатель Херсонского областного суда тов. В. Греков сообщил редакции, что постановлением бюро Суворовского райкома партии на судью Я. Мельника наложено партийное взыскание. Фельетон обсужден на совещании, обращено внимание народных судей области на строжайшее соблюдение законности при рассмотрении судебных дел.

«МНОГО ШУМА — И НИЧЕГО»

Редакция получила несколько писем т рабочих Новоульяновского завода железобетонных изделий о приписках к плану, манипуляциях с премиальными и зарплатой. На запросы «Крокодила» Ульяновский обком КПСС ответил, что факты не подтвердились, а Новоульяновский райком партии ответил, что подтвердились. Пришлось фельетонисту Е. Матвееву выехать на место. О результатах поездки было рассказано в фельетоне «Много шума — и ничего» («Крокодил» № 13).

Как сообщает секретарь Ульяновского обкома КПСС тов. И. Кузнецов, за серьезные нарушения финансовой дисциплины решением партсобрания директору завода С. Берглезову объявлен выговор. Главный экономист С. Киреев, занимавшийся приписками, уволен с завода.

Управляющему трестом «Ульяновсксельстрой» тов. Б. Старикову указано на слабый контроль за деятельностью завода. Инструктор отдела строительства обкома КПСС тов. Е. Карпов за формальное отношение к проверке письма рабочих завода строго предупрежден.

«ДВОЙКА НА ШЕЕ»

Для ликвидации ученических двоек в Верхне-Яшкульской санаторной школе-интернате Целинного района, Калмыцкой АССР, применялся «метод», предложенный воспитателем Б. Болдыревой. Ученику, получившему двойку, на шею вешалось табло с цифрой «2».

Об этих педагогических новациях рассказывалось в фельетоне М. Хонинова «Двойка на шее» («Крокодил» № 18).

Как сообщает заместитель министра просвещения Калмыцкой АССР тов. М. Кекеев, воспитатели Верхне-Яшкульской школы-интерната Б. Болдырева и Э. Лапушнян сняты с работы. Директору школы К. Ли объявлены партийное и административное взыскания. Наказан также заведующий районо.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Я пригласил знакомую девушку погулять, но за нее заступились ее подруги и сотрудник милиции, который доставил меня в отдел».

(Из объяснения).

«На мои уговоры Карпов не реагировал, а при помощи гитары ругался нецензурной бранью».

(Из показания).

Собрал П. Зелинский, г. Петрозаводск.

«Евдокия Степановна надоила по 519 килограммов молока от коровы, в честь которой на центральной усадьбе поднят флаг трудовой славы».

Газета «Коммунист», г. Инсар.

«В связи с отсутствием древтары стеклотара сегодня не принимается».

(Объявление).

Прислал В. Фролов, г. Мукачево.

«Объявление
2—3 июля с 9^{00} проводится флюорография. Все население в возрасте от 12 лет и до последних дней жизни должно пройти медицинское обследование».

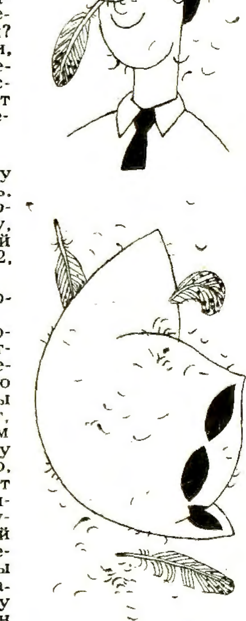
Копию снял А. Маркин, Монастырщинский район, Смоленской области.

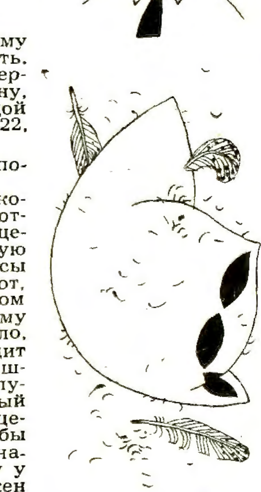
«Сюжетная схема фильма очень проста: начальник стройки хочет с помощью своего авторитета взорвать часть мраморной горы, удлиняющей путь самосвалов от бетонного завода к основным сооружениям».

Газета «Огни Енисея», г. Дивногорск.

ВИЛЫ В БОК!

Здравствуй, Чингачгук — Большой Змей!

Если вы соскучились по Чингачгуку — Большому Змею, Быстроногому Оленю, Шаткому Тростнику, Мудрому Бобру, Хитрой Лисице и другим героям Фенимора Купера, вовсе не обязательно идти в библиотеку за томиком «Последнего из могикан» или в кино. Приезжайте в Пензу в общежитие № 2, что на улице Ударной, 39. Здесь вы можете не только увидеть своих любимых героев, но и побеседовать с ними.

— Скажите,— спросили мы одного украшенного перьями гурона, а может, ирокеза или делавара,— как называется ваше племя и как оно попало в эти края?

— Уши твои не услышат лжи, любопытный незнакомец,— последовал ответ.— Наше племя численностью в 143 человека состоит из жильцов общежития объединения «Тяжпромарматура».

— Это невероятно!

— Мы прощаем любопытному незнакомцу его недоверчивость. Любопытный незнакомец недоверчив потому, что он, отходя ко сну, никогда не склонял своей гордой головы на подушку артикул 122, размер 60 × 60.

— Чем же замечательны эти подушки?

— Если любопытный незнакомец устал с дороги, он может отдохнуть в нашем вигваме-общежитии, положив под голову любую из 143 подушек. Утром вопросы любопытного незнакомца растают, как весенний снег под взглядом желтолицего бога тепла, потому что, взглянув на себя в зеркало, любопытный незнакомец увидит индейца, голова которого роскошно украшена перьями и даже пухом. Поэтому по утрам каждый обитатель нашего вигвама-общежития, если он не хочет, чтобы встречные насмешливые незнакомцы спрашивали его: «Почему у тебя рыльце в пушку?» — должен ощипывать себя, словно куропатку, подстреленную Длинным Карабином.

— Кто же делает подушки?

— Те самые люди, которых надо пощипать за бракодельство,— работники Пензенской птицефабрики треста «Птицепром».

Беседу записал **Верная Рука — Друг индейцев.**

«С РУК ДОЛОЙ!»

Это крылатое выражение в ходу у лесозаготовителей объединения «Томлеспром» (Томская область), и относится оно к рукавицам, которыми их снабжает «Томскснаб». Не успеют лесорубы проработать в них и дня, как они превращаются в драные лоскуты и сваливаются с рук. Как видно, изготовители рукавиц работают по принципу «Прострочено — и с рук долой!».

В. С.

Как на ваш вкус?

Пишет нам гражданин Ю. Парахин, из поселка Гидроузел, Ерментауского района, Целиноградской области, что он купил творожный сырок. А когда развернул обертку, оказалось, что внутри — глицериновое мыло. Впрочем, стоило повнимательнее приглядеться, как все упростилось. Просто обертка оказалась двусторонняя: на одной стороне было написано «Глицериновое мыло. Химкомбинат им. Вахитова, г. Казань, МПП РСФСР Росглавжирмасло», а на другой «Сырок творожный, не жирный, с изюмом, Минмясомолпром РСФСР». Инцидент, таким образом, был исчерпан, да иначе и быть не могло: все равно мыло не съешь, а сырком не намылишься, будь он даже с изюмом.

Но если бы кто-то и съел глицериновое мыло или намылился глазированным сырком, это был бы нетипичный, частный случай. А вот как узнать поголовное мнение потребителя о продукте?

Допустим, зашел человек в магазин, купил банку консервов «Скумбрия курильская натуральная», пришел домой, заперся и съел ее. Возникает вопрос: почему он взял именно скумбрию? Как она ему на вкус — понравилась ли? Остался ли он жив вообще? Ничего этого нам не было известно до самого последнего времени, пока баночная фабрика Министерства рыбного хозяйства СССР, что в г. Находке (Дальрыба, Приморрыбпром) не предложила свой способ опроса покупателей.

Делается это так: в банку консервов, пока она еще открыта, вместе со скумбрией натуральной закладывается бумажный талон-обращение. В нем фабрика сообщает едоку краткие сведения о себе и, в свою очередь, просит сообщить ей об обнаруженных в банке дефектах.

Дальнейшее просто: потребитель заходит в магазин, покупает банку консервов, съедает их, на закуску обсасывает вопросник и отвечает на него.

Есть, правда, в этом методе один дефект: едок едоку рознь. Один прочтет вопросник, а другой проглотит его, глазом не моргнув, да еще похвалит. Думается, однако, что баночной фабрике в конце концов удастся это препятствие преодолеть, заменив бумажные легко съедаемые листки на несъедобные — из пластмассы, алюминия или даже керамики.

У. М.

ИСПОВЕДЬ ПОКУПАТЕЛЯ

Нас замучили угрызения совести. Хотим покаяться...

Мы с женой попали в магазин № 106 Белгород-Днестровского курортторга (пос. Затока, Одесской области).

Там нам неизвестно отчего приглянулась томатная паста. И мы почему-то возжелали купить килограмм ее, поместив в собственную банку.

Продавец в ответ на нашу необоснованную просьбу справедливо предложила приобрести десятикилограммовую банку пасты целиком. Присовокупив, что развешивать пасту ей-де невыгодно.

Нам бы понять всю абсурдность своих притязаний, нам бы тихо ретироваться, так нет! Как будто какой-то бес в нас вселился.

С упорством маньяков мы стали выпрашивать один килограмм пасты и у старшего продавца и у директора. Более того, мы окончательно закусили удила: выпрашивали жалобную книгу и даже домогались узнать фамилию директора.

Теперь нам очень стыдно. Мы хотим извиниться перед работниками торговли. Ведь нашей настырностью мы наверняка оторвали их от борьбы за повышение уровня обслуживания покупателей.

Супруги **ПОЛЯКОВЫ.**
г. Бельцы.

СИДЕТЬ ИЛИ ЛЕЖАТЬ?

Много лет я полагал, что пословицу «Лучше лежать, чем сидеть» придумали поклонники пассивного отдыха: дачники или пляжники.

Недавно я понял, что ошибался. Ее придумало руководство Красноярского краевого совета по туризму и экскурсиям в соавторстве со строительным отделом центрального совета по туризму.

Третий год на складе Красноярского совета без укрытия, навалом лежит комплект импортного оборудования кресельной дороги стоимостью в сто двадцать тысяч.

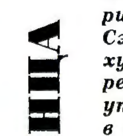
Лучше ему лежать, чем на нем сидеть,— это как раз об оборудовании.

Пройдет год-другой, сгнившие начисто кресла будут списаны, а конструкции сданы в металлолом. Обидно даже не это. Обидно то, что снова все будут думать, будто пословицу «Лучше лежать, чем сидеть» придумали лентяи, а вовсе не руководители туризма. За лентяев обидно!

А. ПОРОТНИКОВ.

Николай МОНАХОВ

ГДЕ У ВАС ТУТ РОЗЕТКА?

Какие только сюрпризы не ожидают иной раз истинную христианскую душу в стране, населенной в основном язычниками! Например, в Южной Родезии.

Командиру карательного батальона, добропорядочному христианину, было приказано вступить в контакт если не с самой нечистой силой, то хотя бы с ее уполномоченным. Ему удалось найти частнопрактикующего колдуна, имевшего патенты на свое занятие в виде многочисленных амулетов.

— Ответь-ка, святой нехристь, — сказал командир батальона, когда он остался наедине с колдуном,— как духи предков наказывают за ослушание твоих соплеменников?

— Если великий дух Мхондоро разгневается, он сделает сухим небо, посевы умрут от жажды, а люди распухнут от голода. Великий дух Шивава, живущий в каждом человеке, призовет плюющуюся кобру или черную змею мамба, которые ужалят ослушника, после чего великий Шивава покинет его тело на горе родичам.

— Суровые у вас духи, — усмехнулся добропорядочный христианин. — Но есть дух... я хочу сказать, есть белый джентльмен Великий Мистер Ян Смит, который посуровее обоих ваших духов. Знаешь, кто это такой?

— Великий Мистер Ян Смит призван духами помогать белым джентльменам править черными слугами,— отбарабанил колдун.

— Вот именно,— кивнул командир батальона.— Я вижу, твой ум светлее твоей кожи. Это хорошо. Так вот, если разгневается Мистер Ян Смит, он нашлет на ослушника электрическую змею. Это тебе не плюющаяся кобра!

Колдун задрожал. Он знал, что это орудие пытки, придуманное белыми джентльменами, жалит черного человека так, что человек корчится и кричит от боли. Уж лучше в самом деле плюющаяся кобра. Быстрее конец.

— Я ничего плохого не сделал, господин,— трясясь от страха, лепетал колдун. — Я никогда не ходил в туалет для белых джентльменов, я...

— Ладно, святой нехристь,— перебил командир батальона.— Это будет учтено, если ты сделаешь так, как я скажу. Твои соплеменники совсем распоясались. Мало им туалетов только для черных, так они еще хотят всеобщего равного избирательного права, оплаты по труду, а не по цвету кожи и прочих возмутительных вещей. А есть даже такие мерзавцы, что стали партизанами или помогают им.

— Великий Мистер Ян Смит покарает их, — поспешно пробормотал колдун.

— И не он один. Великий Мистер Ян Смит недавно беседовал в своем кабинете с великими духами твоего племени. Беседа прошла в теплой, дружеской обстановке. Великие духи Мхондоро и Шивава пообещали Яну Смиту, что они тоже будут карать черных ослушников, недовольных расовой политикой правительства. Ты, наместник великих духов, сообщишь их волю своим соплеменникам.

— Но... — замялся колдун, — если за это меня самого покарают... ослушники?

— Не бойся. Тебя будет сопровождать рота солдат. Запомни: во время твоей мессы... черт, как это у вас называется?.. Словом, во время твоей информации духи пошлют тебе и твоим соплеменникам небесное знамение.

Рота вместе с колдуном прибыла в деревню. Жителей согнали на площадь, где обычно колдуны делятся с ними своими впечатлениями от общения с духами. Колдун под звуки бубна начал ритуальное пляскоговорение. Во время этой занимательной для христианина процедуры командир роты время от времени поглядывал на небо, словно что-то забыл там.

— Великий дух Мхондоро, — танцуя и громыхая в бубен, вещал колдун,— гневается на вас. Он недоволен тем, что многие из вас не хотят исполнять закон «О господине и слугах». Он просил белых джентльменов сделать вас счастливыми. И, хотя белые джентльмены имеют своих духов, они послушались всемогущего Мхондоро и в 1891 году ввели на вечные времена закон «О господине и слугах». Тому, кто не будет исполнять его, земля не родит маиса. Повторяйте за мной: мы всегда будем исполнять...

Жители деревни молчали.

Командир роты нервно поглядывал на небо. Колдун уже менее уверенно продолжал:

— Великий дух Шивава пребывает в печали. Среди вас завелись смутьяны, которые помогают партизанам, воюющим с благородными белыми джентльменами за какое-то избирательное право. Великий дух Шивава обещал Великому Мистеру Яну Смиту наставить вас на путь разума. Вы должны выдать смутьянов, иначе вас самих будут жалить электрические змеи. Повторяйте за мной: мы никогда не будем помогать партизанам...

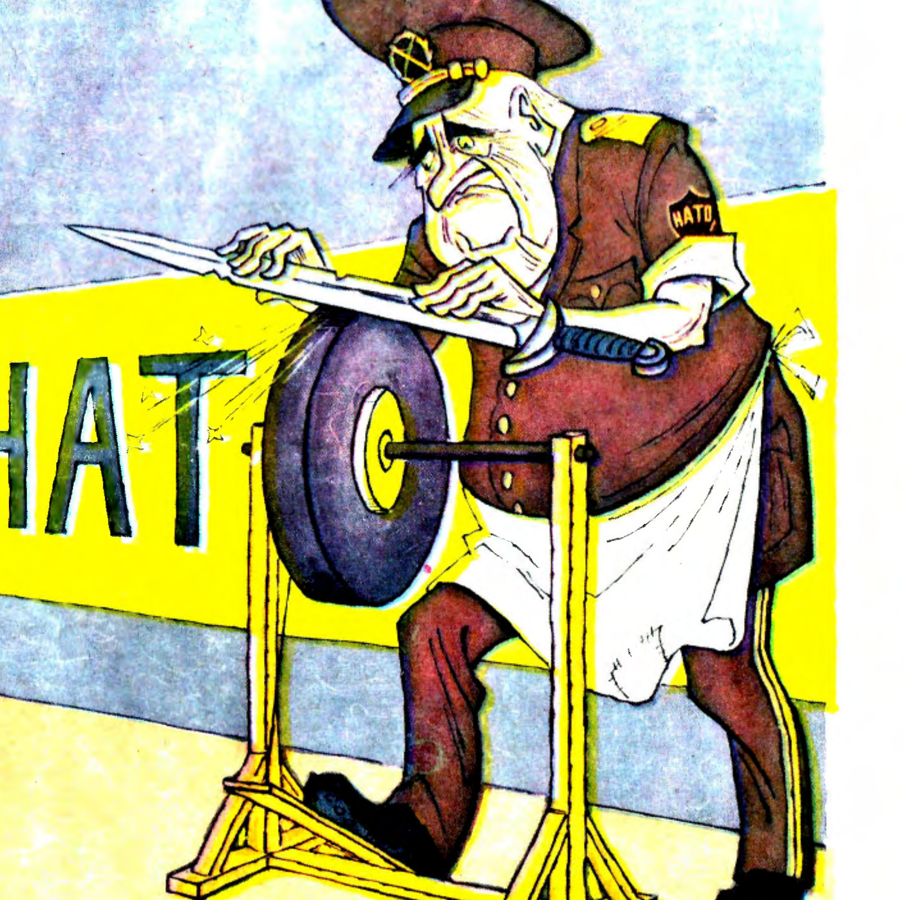
Жители деревни молчали. Командир роты нервно поглядывал на небо. Вдруг показался военный вертолет. Из него белыми голубицами посыпались листовки.

— Трепещите, несчастные!— завопил колдун.— Великие духи Мхондоро и Шивава посылают вам свое последнее предупреждение!

Так оно и было. Как сообщает французская газета «Нувель обсерватёр», дела «христианского» режима Яна Смита стали настолько плохи, что он всерьез решил поставить себе на службу духов африканских предков. В листовках от имени обоих великих духов говорилось то же самое, о чем вещал колдун. В наказание за непослушание белым джентльменам рассерженные духи сулили ослушникам разные страсти-мордасти: от засухи до пыток. На этих спиритических агитках значилось: «Солсбери. Правительственная типография». Видимо, великие духи пока еще не обзавелись собственной полиграфической базой.

Жители деревни молча отстранялись от падающих листовок.

— Так, понятно,— выплюнул сигару командир карательной роты. — Кончай балаган, святой нехристь. Где у вас тут розетка? Ах, нет ее? Джонни, — крикнул он солдату, — заводи движок походной электростанции! Сейчас вы вместе с вашими духами узнаете, что такое электрическая змея. Это вам не плюющаяся кобра или черная мамба: укусила и помер без забот. Сперва помучаетесь. Джонни, привязывай первого!

КРУГ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Рисунок М. АБРАМОВА

— Боюсь, не застрять бы здесь надолго...

Рисунок А. РЕФРЕЖЬЕ (США)

Татьяна ШАБАШОВА

ЗАПИСКИ ВЕРНИСАЖЕНЦА

У каждой художественной натуры свой, неповторимый путь в искусстве. Сэмюэл Шост не был художником, но однажды решил, что скрываться от упреков жены лучше всего в нью-йоркских картинных галереях. Это надежно. Джуди не придет в голову искать мужа в музейной пыли. Как-то в одном из музеев Сэмюэл Шост обронил, а уборщик дед Фитцджеральд нашел маленький дневник, из которого мы узнали, как много порой приходится претерпевать посетителям выставок и салонов... Впрочем, не будем забегать вперед, мы не на стадионе.

ПОНЕДЕЛЬНИК. День ненастный. Джуди хнычет.

Пошел в галерею «Сидней Дженис» на выставку Тома Уосселмэна. Его новое произведение «Большая американская голая женщина» поставило меня в тупик. С одной стороны, я не против крупных женщин (эта заняла не меньше сорока квадратных метров!), с другой стороны, «Ньюсуик», журнал, который я уважаю, заставил задуматься: «Большая американская голая женщина» Тома Уосселмэна похожа на громадную афишу, заполненную розоватым мясом и ярко-красными губами. Уосселмэн концентрирует свое внимание на анатомических деталях, таких, как ноги, ступни. Его картины вызывают чувство отвращения». Долго смотрел на женщину целиком и на анатомические детали, решил не торопиться с выводами. Дома смотрел на свои ступни. Надо будет срезать мозоли.

ВТОРНИК. Был на открытии выставки Дана Флавина. Все только и говорили о том, что он создал шедевр из двух клистирных трубок. Оказалось, Дан работал с обыкновенными трубками дневного света. Трубочки перекручены и подключены к электросети. Думаю, эффект в том, что одна горит нормально, а другая мигает. Какой-то тип полез чинить, чтобы не мигало. Его сняли со стремянки, объяснив, что таков замысел художника. Поспорили. Передрались. Пришлось вмешаться. В суматохе я схватился за трубочку, дернуло током.

Поехал в «Райс Юниверсити мьюзеум» при Институте изящных искусств, надеялся в атмосфере изящества отдохнуть душой и оправиться от электрошока. Увы! И здесь Флавин со своими трубками занял четыре зала. Экскурсоводы сообщают интересующимся, что Дан Флавин и его единомышленники требуют решительного отказа от традиционных материалов: их кредо — создание художественных произведений из скобяных изделий и электротоваров.

СРЕДА. Был в «Соннабенд галери». Смеялся от души! Вильям Вегман показывал свои видеоленты. Народу масса, Вегман колготился возле своей аппаратуры. На экране — Вегман и собака. Он явно в ударе. Повалился на спину и подставил псу свою физиономию. Пес лизал. Второй видеофильм — Вегман передразнивает свою жену. В душе я ему посочувствовал. Бедняжка Вильям, моя Джуди — ангел по сравнению с миссис Вегман! Третья картина — Вегман пучит глаза, надувается: изображает чревовещателя. Смеялись до колик, забыв всякие приличия! Жизнеутверждающее искусство. Обязательно попробую дома.

ЧЕТВЕРГ. Попробовал видео дома. Аппаратуру достал. Надо разработать сюжеты. Прорепетировал с собакой. Пальма лизать мое лицо наотрез отказалась. Смазал мясным бульоном. Приманку взяла, но прихватила нос. Все смеялись до упаду.

ПЯТНИЦА. Еду на фестиваль искусств...

...С фестиваля вернулся в прекрасном настроении, побежал в ванную и пустил воду.

— Джуди! — крикнул я.— Принеси-ка мне виолончель!

— Сэмик, что ты говоришь? Где я возьму тебе виолончель? И зачем человеку в ванной виолончель? — Она почему-то заплакала.

— Никогда ничего не допросишься в этом доме! — вскипел я.— Тогда хотя бы игрушечный барабан нашего Бобби. И кларнет!

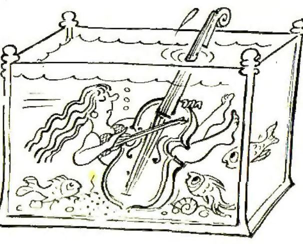
— Сэм, — всхлипнула жена, — если ты хочешь выкупать барабан, то для чего ты снял штаны?

Видимо, она принимала меня за сумасшедшего. Я дал ей «Ньюсуик», и там она прочитала:

«Но ничто не могло сравниться в этом сезоне с решением Шарлотты Мурман играть на виолончели под водой. Это событие имело место в стеклянном аквариуме на Нью-Йоркском фестивале искусств и было гвоздем программы».

Играя на кларнете на дне ванны, я нахлебался воды и затем долго икал, но художественное бульканье, которое я издавал, было мне вознаграждением. Когда же из ванны вода перелилась и потекла в коридор, я увидел в этом символ нового течения в искусстве.

Правда, в отличие от авангардистов, которые на этом зарабатывают, мне придется скорей всего заплатить соседям снизу за испорченный потолок...

ЛОНДОН. **Представители английских финансовых кругов не раз заявляли в последнее время, что встревожены ростом инфляции в стране. На днях выяснилось, что́ именно тревожит банкиров. По сообщениям прессы, главные банки Англии — так называемая «большая четверка»,— наживающиеся на росте инфляции, за первую половину этого года увеличили свои прибыли на 96 процентов. В самом деле, для тревоги есть основания: если дело будет и дальше идти таким же образом, скоро банки не будут успевать подсчитывать доходы.**

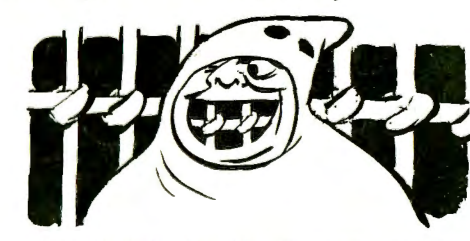

ИОГАННЕСБУРГ (Южно-Африканская Республика). Местная торговая палата опубликовала статистический анализ стоимости жизни. Выяснилось, что африканский рабочий зарабатывает в два с лишним раза меньше, чем необходимо на жизнь, причем цены в ЮАР растут быстрее, чем в большинстве других капиталистических стран. Таким образом, термин «жизненный уровень» никак не применим для африканцев в ЮАР. Ни уровня, ни жизни.

СОЛСБЕРИ (Родезия). Здесь стало известно, что правительство арестовало руководителей Африканского национального совета, представляющего коренное население Родезии. Министр юстиции Десмонд Ларднер-Берк заявил в родезийском парламенте, что он «доволен» арестом руководителей совета.

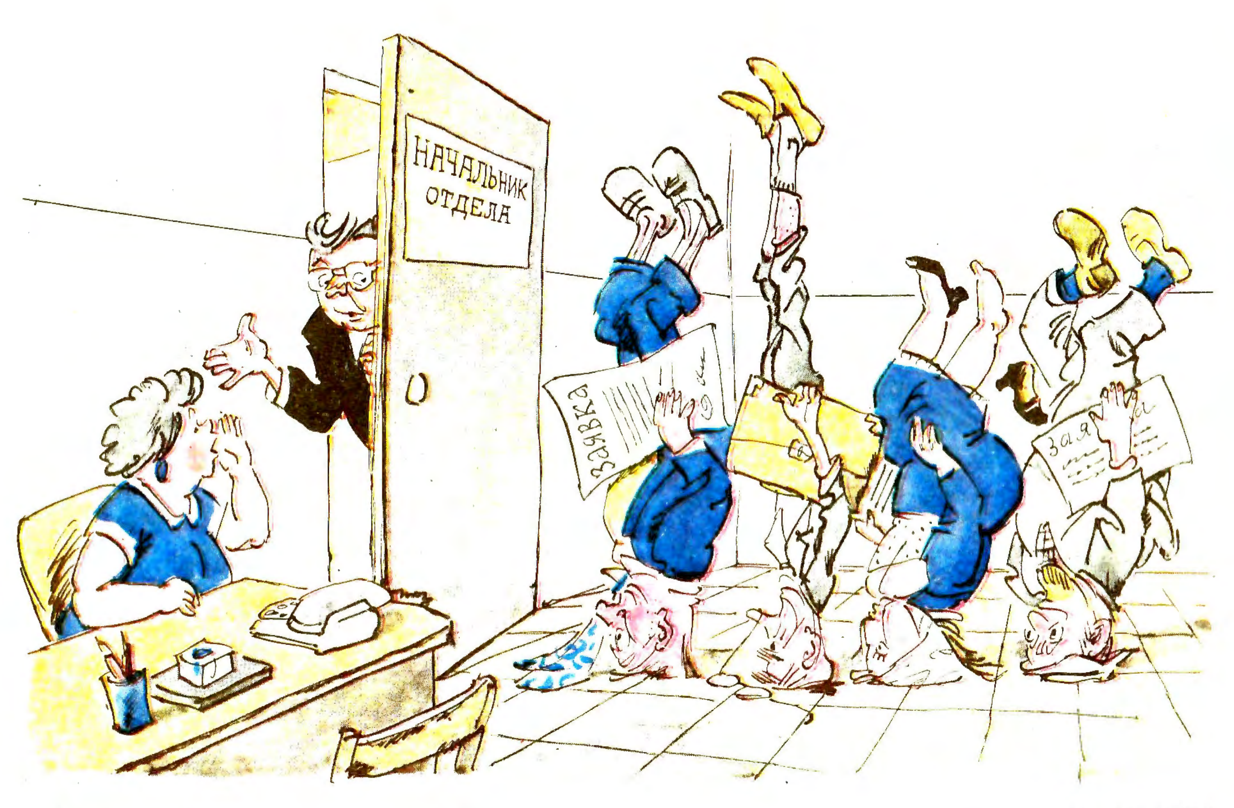
Еще бы! Что может быть приятнее для родезийского министра юстиции, чем звук защелкивающегося замка тюремной камеры, когда в нее помещен негр!

ЛУИСВИЛЛ (США). История сохранила немало имен лошадей, пользовавшихся повышенным вниманием современников. Но ни одна из них не может сравниться с пятилетним жеребцом по кличке Найт Каунтер. Ежедневно тысячи людей в Луисвилле интересуются его здоровьем и спортивной формой.

Дело в том, что жеребец принадлежит некоему Роберту Хаффмэну, владельцу местного банка, который недавно разорился, лишив 12 тысяч человек их вкладов. Однако он согласился выплачивать им 40 процентов суммы призов, завоеванных его жеребцом.

В местных финансовых кругах напоминают, что римский император Калигула, как известно, кооптировал свою лошадь в сенат. Не станет ли Найт Каунтер президентом банка!

— Им кто-то сказал, что вы поклонник йогов...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ЗА ЧТО КОРОВУ СЪЕЛИ

Гражданка Губина Т. И. тихо шла проселком и вдруг увидела стадо. Гражданка Приказчикова В. М. тихо пасла стадо и вдруг увидела Губину. Вот такое происшествие случилось однажды в пределах Волгоградской области.

В результате обе гражданки встретились и тут же разговорились на травке.

Сначала они говорили о том, потом о сем, потом о том, о сем вместе, и это было увлекательно. Не оторвешься.

И вот, значит, разговор все происходит, происходит, времечко себе идет, и стадо вокруг собеседниц уж поголовно проголодалось и от этого начало незаметно зверeть. А корова Приказчиковой подошла даже к своей хозяйке и помычала по знакомству.

Хозяйка — ноль внимания. Тогда корова заглянула в сумку, стоящую на земле. Хозяйка сумки Губина тоже на это ноль внимания. И корова принялась уплетать содержимое сумки.

Губина заметила обжорство не вдруг. Ну, а как заметила, то ударилась в крики и по-вертолетному замахала руками. Ведь как ни говори, а в сумке-то деньги лежали, притом немалые, притом казенные и притом еще всякие накладные и прочие магазинные ведомости. Губина-то сама по себе — продавщица поселка Красный Партизан, и эти деньги с документами несла для отчета. И вот нате вам: корова слопала все подчистую.

На шум приспешил из поселка маленький, в три человека, коллектив: два Сани с Аркадием, которые только что приголубили на околице достаточно спиртной напиток.

Прибежав, коллектив удивился.

— А много ли денег? — слюбопытствовал.

— Четыреста рублей! — простонала продавщица.— Что теперь будет?!

— Заворот кишок будет,— обнадежил коллектив, а Аркадий добавил от себя:

— Надо ей два пальца в рот сунуть, я это дело знаю.

И сунул. Два Сани держали корову за рога, а Аркадий сунул. Ничего не вышло. То ли количество пальцев не соответствовало, то ли еще почему. Однако Губина, видя такое дружеское участие, воспрянула духом.

— Вы уж постарайтесь! — попросила.

— Выпить бы,— неопределенно сказали два Сани.

— Конечно! Конечно! — воскликнула Губина.— За этим не постою!

— Корове выпить! — строго уточнил Аркадий.— Касторки! Полведра! Ну, и нам маленько чего-нибудь другого.

Двинулись на процедуры. Корова — под конвоем двух Сань по бокам и Аркадия в арьергарде для наблюдения за коровьими блинами.

Два Сани с Аркадием к своей процедуре отнеслись с полной ответственностью, а вот с коровой — опять промашка. Не нашлось в окрестностях полведра касторки, напоили корову полведром растительного масла, а с нее — как с гуся вода.

И тогда, в общем, убили корову. Без лишних слов. Деньги и документы как из разбитой копилки вынули — все налицо. Их подреставрировали, Губина благополучно сдала их куда полагается. С двумя Санями и Аркадием не знаем что потом случилось, а вот корову съели.

И больше ничего не было.

Е. КТОТОВ.

Начирикал...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Наши встречи

13 августа под гостеприимной сенью крокодильского конференц-зала сотрудники редакции встретились со специалистами, кровно заинтересованными в охране природы и окружающей человека среды. Заместитель директора ЦНИЛ «Главохоты» К. Д. Зыков, заместитель начальника управления «Главрыбвода» Е. Н. Огнев, первый заместитель председателя Центрального совета Всероссийского общества охраны природы В. Е. Голованов, главный инспектор Всесоюзного объединения по очистке газов и пылеулавливанию Б. Н. Храмов, начальник Главка охраны, защиты лесов Министерства лесного хозяйства РСФСР Д. М. Гиряев, начальник отдела коммунальной гигиены Главного санитарно - эпидемиологического управления Министерства здравоохранения СССР М. К. Недогибченко, доктор биологических наук В. Е. Флинт и другие компетентные участники совещания откровенно поделились заботами, связанными с защитой воздушной среды, лесов, полей и рек, а также всех «братьев наших меньших» от пчелы до зубра.

Помогать охранять природу не от человека, а для человека — вот о чем договорились на самое ближайшее будущее участники этой встречи.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Человек входит в табачную лавку и обращается к продавцу:

— Пожалуйста, мужские черные туфли сорок второго размера.

— Извините, в этом магазине продаются только предметы, необходимые курильщикам.

— Вы думаете, что курильщики ходят босиком?

●

Сабо женится второй раз. После свадьбы он говорит юной супруге:

— Дорогая, теперь я должен тебе сказать об одном своем большом недостатке.

— Что это за недостаток?

— К сожалению, я часто бываю беспричинно ревнив.

Очаровательно улыбаясь, молодая жена говорит:

— Не волнуйся, дорогой, меня тебе не придется ревновать без причины.

●

— Пожалуйста, продайте мне этого красного попугая.

— Вы ведь француз?

— Да, а что?

— Тогда вам придется купить и того желтого попугая.

— Почему?

— Потому что красный говорит по-английски, а желтый переводит с английского на французский.

Росен БОСЕВ (Болгария)

ПЕТУХ

Наверное, так бывает иногда и с вами: живешь, работаешь, все как будто в порядке, и вдруг в один прекрасный день что-то кольнет тебя в сердце, и сразу почувствуешь неясное томление, и кажется тебе, что жизнь проходит мимо и ты пропускаешь что-то очень важное...

С утра товарищ Симеон Белчев работал в своем кабинете как обычно: накладывал резолюции, диктовал секретарше письма, принимал посетителей, звонил по телефону, отвечал на звонки.

В полдень товарищ Белчев поднялся из-за стола, потянулся, разминая замлевшую спину, закурил и подошел к окну.

Под окном стояла грузовая машина. Шофер — сразу видно, провинциал — объяснялся с милиционером, а две коровы в кузове печально смотрели на товарища Белчева.

Вот тут-то и произошло с товарищем Белчевым то самое, о чем мы говорили вначале. Сердце его вдруг заныло.

И его письменный стол с тремя телефонами, и бумага на нем с бесконечными «учитывая вышеизложенное, просим отпустить...», и секретарша Магда с ее рыжей копной на макушке — все вдруг показалось товарищу Белчеву призрачным, ненужным. «Нет,— подумал он грустно, — жизнь — это не та суета, в которой все мы вертимся ежедневно. Настоящая жизнь — там, вдали от городского шума, в сельской тиши... Там, где человек сливается с природой... где он даже просыпается не по часам, а по петушиному крику...»

И товарищу Белчеву вдруг страстно захотелось услышать крик петуха. Он привычно потянулся было к телефону, но вовремя сообразил, что петух не сводка полевых работ и Магда его в кабинет не внесет.

Товарищ Белчев пожал плечами, сел за стол и потянул к себе бумаги, но в ушах его безостановочно звучала петушиная песня. Он прочел какой-то рапорт о перевыполнении чего-то, взял синий карандаш и написал наискосок: «Надо слушать петуха». И подписался: «Белчев».

«Боже,— тут же испугался он,— что это со мной творится? Нет, надо тут же за город, окунуться в тишину, услышать песнь петуха...»

Через пять минут он был уже рядом с водителем в своем черном лимузине.

— Куда прикажете, товарищ Белчев?

— Понимаешь... мне нужно срочно услышать... как бы тебе объяснить... петуха.

Шофер Генчо почувствовал, как у него сжалось сердце. С товарищем Белчевым он жил хорошо, а каков еще будет новый начальник...

— В каком прикажете смысле понимать петуха?

— В прямом, Генчо, в прямом.

Через два часа они уже побывали на трех пригородных птицефабриках, но петухов там, естественно, не было. Были доклады о выполнении и перевыполнении, был осмотр нового автоматического оборудования,,, было все, кроме простого петуха.

После третьей птицефабрики водитель Генчо искоса взглянул на товарища Белчева и понял, что должен во что бы то ни стало найти петуха. Он решительно свернул с шоссе на проселок.

...Товарищ Белчев не спеша шел по деревеньке, приветливо здороваясь со всеми, заходя во все дворы, и все дивились, как прост и внимателен он с людьми. И вдруг он увидел петуха. Большого, огненнохвостого — петуха его мечты... Сердце товарища Белчева забилось.

— Не приютите ли вы меня на ночь, друже? — спросил он хозяина.

Гостеприимная улыбка раздвинула пышные усы хозяина.

— С превеликим удовольствием! — сказал тот, кинулся к сундуку и вытащил оттуда лучшие простыни и атласное одеяло. Он уже начал стелить гостю постель в горнице, но товарищ Белчев запротестовал:

— Нет, друже, я тут, в кухоньке, у окна...

...На деревушку пала ночь, и товарищ Белчев сомкнул усталые глаза.

Он беспокойно провертелся всю ночь.

Минуло время первых петухов, потом — вторых, потом — третьих. Однако громкой, бодрящей душу песни петуха товарищ Белчев так и не услышал.

Когда первые лучи солнца озарили его посеревшее от бессонного ожидания лицо, он откинул атласное одеяло, наскоро оделся и вышел во двор.

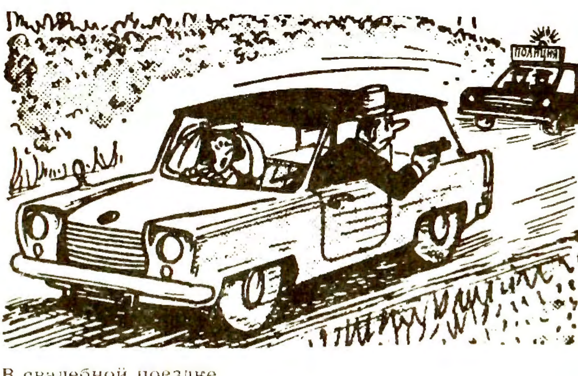
Там под развесистым деревом его уже ожидал завтрак. Из большой белой миски прямо в небо поднимался ароматный пар крестьянского супа, в котором плавали аппетитные куски зарезанного вчера вечером петуха.

В тот же день товарищ Белчев снова накладывал резолюции...

Перевел Г. КОФМАН.

«Арена», Югославия.

В свадебной поездке.
— Все ли ты рассказал мне о себе, Джордж?

«Бостон глоб», США.

Молодая пара прогуливается в парке. Навстречу им идет пожилой человек, с которым молодой человек здоровается.

— Кто это? — спрашивает девушка.

— Мой помощник,— отвечает молодой человек.

— А что он у вас делает?

— Он подписывает те письма, которые я отношу на почту.

●

У Ковачей родилась тройня. Старший мальчик спрашивает отца:

— Папа, они все у нас останутся или их прислали на выбор?

Очень полная дама встает на автоматические весы. На табло загорается надпись: «Немедленно сойдите. Взвешиваться разрешается только по одному».

●

— Я слышал, что вы купили корову.

— Да.

— И как, довольны?

— Весьма. Она дает каждый день по девять литров молока.

— И что же вы с ним делаете?

— Три литра выпиваем сами, а десять продаем.

Начинающий парикмахер брил клиента и несколько раз его порезал. Бедняга обратился к парикмахеру:

— Если вы честный человек, дайте бритву и мне, чтобы я мог защищаться!

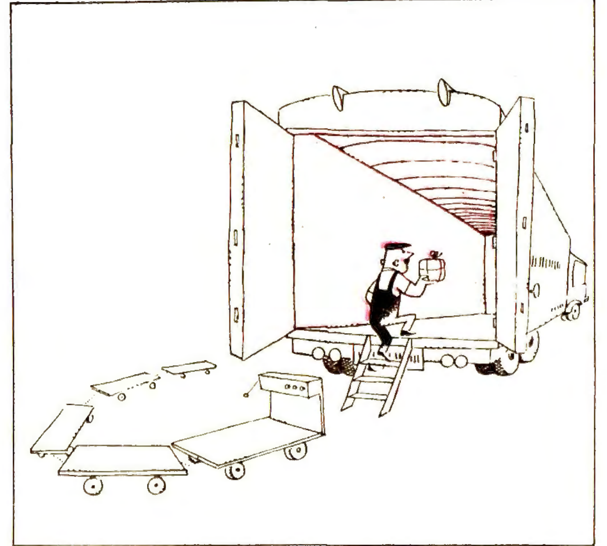
●

В открытом море на корабле заболел штурман. После осмотра больного доктор задумался.

— Доктор, что-нибудь серьезное?

— Нет, я просто вспоминаю, кто еще у нас знаком с навигацией...

Рисунки Эуджена ТАРУ (Румыния)

КРОКОДИЛ
№ 24 (2070)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Вайсборд, В. Жаринов, В. Мохов, И. Сычев, А. Чикарьков, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д.14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 7/VIII 1973 г. А 02637. Подписано к печати 17/VIII 1973 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 371 800). Изд. № 1444. Заказ № 921.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Расстрелы в Мозамбике, о которых недавно сообщала печать, проводились португальскими карателями с благословения местного епископа.

— На колени, дети мои!

Рисунок А. КРЫЛОВА